

КАК ЭТО БЫЛО

«ОБВИНЕН В СВЯЗЯХ С Т. КОСАРЕВЫМ...»

Два десятка лет назад, а именно — во второй половине 1983 года, когда Омск начал готовиться к 50-летию с момента образования Омской области, газета «Молодой сибиряк» задумала напечатать серию очерков обо всех первых секретарях обкома ВЛКСМ за все годы существования областной комсомольской организации. Участвовать в этом, как бы сейчас сказали, проекте пригласили и меня. Выложили на стол список вожakov омских комсомольцев и сказали: «Выбирай». Выбрал самого первого «Первого» — Владимира Никифоровича Шунько.

Познакомиться с Владимиром Никифоровичем было — увы — уже невозможно: он скончался в конце марта того же 1983 года на 75-м году жизни. А ведь я не раз встречал его в коридорах обкома комсомола: отдел пропаганды и агитации, куда я в те годы часто приходил по разным литературно-молодежным делам, находился на том же 12-м этаже административной высотки возле кинотеатра им. Маяковского, что и Совет ветеранов, председателем которого был В. Н. Шунько. Но познакомиться, поговорить не довелось ни разу — просто не было повода. Я хорошо был знаком с бывшей женой В. Н. — омской писательницей Татьяной Александровной Гончаровой (1910-1983 гг.), относилась она ко мне по-дружески. Одно время мы и жили по соседству, не раз ходил к ней в гости, были и совместные литературные дела, поездки. Но, конечно же, зная, что расстались супруги при обстоятельствах драматических, мне и в голову не приходило затевать с ней разговор на эту болезненную тему.

Начал собирать сведения о герое будущего очерка и вскоре познакомился с замечательными стариками — его друзьями по комсомолу и по работе в областном Совете ветеранов. Это Иннокентий Сергеевич Воронин, знавший В. Н. Шунько еще по Томску и Новосибирску. Это Лазарь Степанович Аксенов — второй секретарь Омского обкома ВЛКСМ самого первого состава. И, наконец, — это Галина Михайловна Шлевко — архивист, автор известной книги о наших земляках, Героях Советс-

кого Союза «Ради жизни на земле», заместитель В. Н. Шунько в Совете ветеранов. Все трое восприняли идею написать о Владимире Никифоровиче очерк с грустью и энтузиазмом одновременно. С грустью — потому, что не утихла еще боль от недавнего ухода из жизни их старого товарища, а с энтузиазмом — потому, что все трое единодушно считали: при жизни этот человек был незаслуженно обойден вниманием прессы.

И все трое деятельно принялись мне помогать. Некоторые документы, сохранившиеся у этих людей, а главное — их живые рассказы и стали основой очерка.

Родился Владимир в 1908 году в семье железнодорожника. Из сухой «Справки», где просто перечислены занимаемые им в разные годы должности, видно, что трудиться он начал уже в детстве: 1919-1920 годы — батрак, 1920-1921 — рассыльный, 1921-1923 — снова батрак.

Затем жизнь оказалась связанной с комсомолом.

Заведующий пропагандистским отделом окружкома ВЛКСМ Томска. Секретарь райкома в Анджеро-Судженске: Шунько бывал в своем секретарском кабинете лишь по необходимости. Любил встречаться с комсомольцами там, где они трудятся: ехал на завод, на стройку, спускался в шахту. Кто-то тогда так и прозвал его — «кузбасский прораб».

Иннокентий Сергеевич Воронин работал с ним с 1927 года. Владимир несколько лет был студентом и по сей день знаменитого на всю Сибирь Томского политехнического института. Но доучиться не пришлось — отзывали все на ту же комсомольскую работу. В 1932 году Владимир Никифорович стал секретарем Новосибирского горкома комсомола.

По воспоминаниям Воронина, Шунько был весьма популярен среди комсомольского актива. Старался приглашать на заседания бюро горкома людей побольше. Считал, что чем коллегиальной будет принято то или иное решение, тем оно будет правильней, тем четче его выполнят. Все разговоры имели строго документальную основу, необходимые материалы готовились заранее и готовились пунктуально. А уж тем, как он вел заседания бюро, мож-

Владимир Никифорович Шунько

Бюро Омского обкома ВЛКСМ (1937 г.): 1-й ряд (сидят слева направо) — Г.Л. Малакишер, И. Горфинкель, Л.С. Аксенов, секретарь Омского обкома партии Д.А. Булатов, В.Н. Шунько, И.И. Лесовский; 2-й ряд — В.П. Красных, А. Кушнарев, П.М. Волков, В. Шамриков, М.С. Шахнович, Л.И. Кузик, Н.П. Бударин, Н.А. Рождественский, Н.Барков

но было просто залюбоваться: строго, деловито и вместе с тем с неким задором, с легким юморком.

Те, кто рассказывал мне о Владимире Никифоровиче, обязательно подчеркивали, что был он прирожденный талантливый оратор. Не из тех, что берут нахрапом, «на голос», на эффект. Пунктуально готовился к каждому выступлению, читал соответствующую литературу, подбирал и изучал материалы. Каждый раз составлял конспект. Но... никогда его не вытаскивал — говорил «без бумажки», зажигательно, от души.

В конце 1934 года огромный Западно-Сибирский край был разбит на области, одной из них стала наша Омская (правда, тогда она включала в себя и нынешнюю Тюменскую, простираясь до Ледовитого океана). Нужно было организовать все областные учреждения, в том числе и обком комсомола. Центральный комитет ВЛКСМ создал Оргбюро по Омской области, его возглавил Владимир Шунько. 19 декабря того же года он был избран первым секретарем областной организации ВЛКСМ.

Конечно же, он начал подбирать себе помощников из числа тех людей, которых знал лично по предыдущей комсомольской работе. Одним из них стал Лазарь Степанович Аксенов, знакомый Шунько еще по Новосибирску. Аксенов стал вторым секретарем Омского обкома ВЛКСМ.

Область была громадна — семьдесят два района. И в каждом нужно было провести учет комсомольцев, сформировать штат райкома, решить вопрос с помещением для его работы и т. д., и т. п. Командировки, командировки...

Забегу на много лет вперед. Когда в 1983 году Владимир Никифорович умер, в Омск пришла телеграмма: «Выражаю искреннее соболезнование омским ветеранам войны, труда, комсомольцам и молодежи по случаю кончины Владимира Никифоровича Шунько. Он был ярким человеком, беззаветно преданным Родине и партии. Пусть его пример в борьбе за ленинские идеалы воодушевляет тысячи новых борцов. Вместе со всеми омичами низко склоняю голову перед памятью нашего дорогого Володи Шунько. Георгий Марков».

Будущий руководитель Союза советских писателей, будущий автор широко известных произведений, а в 1934 году — скромный молодой журналист, был в период организации Омской области назначен на пост редактора омской комсомольской газеты (она именовалась тогда «Молодой большевик»). Марков и Шунько дружили, работали бок о бок и Георгий Мокеевич, несмотря на свое литературное «генеральство», сохранил о старом товарище самые трепетные воспоминания.

Шуныко любил и умел дружить — умение, встречающееся, к сожалению, не так уж часто, как бы хотелось. Он дружил с душой нараспашку, весь, до конца. Очень любил Николая Бударина, будущего Героя Советского Союза; буквально боготворил Александра Косарева, с которым довелось работать в ЦК ВЛКСМ. И хотя вся молодежь страны звала — и в глаза, и за глаза — Косарева, своего кумира и любимца, «Саша», Шуныко звал его, даже много лет спустя, только «Александр Васильевич» — настолько глубоким было его уважение к этому незаурядному человеку.

В начале 30-х годов в стране был брошен клич «Комсомол — на самолеты!» Еще в Новосибирске В. Н. Шуныко начал ходить в местный аэроклуб, в 1932 году впервые прыгнул с парашютом, начал осваивать пилотирование. Авиация стала его любовью. Переехав в Омск, он и здесь «заразил» этим многих.

В апреле 1935 года «Правда» и «Комсомольская правда» опубликовали отчеты с приема наркомом обороны К. Е. Ворошиловым руководящих комсомольских работников, первыми в стране без отрыва от основной деятельности овладевших летным делом. Владимир Шуныко был одним из семи комсомольцев-летчиков, награжденных золотыми именными часами.

В самом начале 1937 года В. Н. Шуныко отзывают в Москву и назначают заведующим отделом крестьянской молодежи Центрального Комитета ВЛКСМ.

Мы ничего не знаем о работе В. Н. Шуныко в ЦК, кроме того, что продолжалась она меньше года — с января по ноябрь 1937-го. А затем он, как сказано в недатированной «Автобиографии», «в конце 1937 года решением ЦК ВЛКСМ был назначен комиссаром Центрального аэроклуба СССР. С этой генеральской работы 29.XI.1938 года был арестован и решением Особого совещания заключен в лагерь».

В Омске нет подлинных документов, связанных с арестом и заключением В. Н. Шуныко. В собственноручно написанной в 1957 году «Автобиографии» (не той, которая уже цитировалась, а в другой из его личного дела в бытность преподавателем Омской совпартшколы) указана причина ареста: «...обвинен в связях с т. Косаревым А. В. и по клеветническим материалам заочно заключен в лагерь».

Сказано не совсем «уклюже», но понять вполне можно.

Тут, как мне кажется, следует отойти немного в сторону и хотя бы вкратце рассказать, чем так провинился Генеральный секретарь ЦК ВЛКСМ, член ЦК ВКП(б), депутат Верховного Совета СССР, орденоносец А. В. Косарев (1903-1939 гг.), что за связь с ним людей арестовывали и сажали.

Дело Александра Косарева — одно из самых одиозных и загадочных «дел» подобного рода. Недаром, даже много лет спустя, о нем с такой натугой и неохотой рассказывали официальные источники. Сам В. Н. Шуныко в только что процитированной «Автобиографии» 1957 года не побоялся поставить перед фамилией Косарева букву «т». То есть сразу же после XX партсъезда клеймо «врага народа» было с расстрелянного Генерального секретаря ЦК ВЛКСМ уже снято, и его вновь можно было называть «товарищ». Но в томе Большой Советской Энциклопедии, выпущенной уже в 1973 году, в заметке о Косареве нет даже попытки объяснить, куда он делся в 1939 году в возрасте 36-ти лет.

Оказывается, А. В. Косарев, как мог, защищал своих соратников по комсомолу от волны репрессий, с нарастающей силой катящейся по стране после убийства С. М. Кирова. Только во второй половине 80-х годов историкам Д. Поляковой и В. Хорунжему удалось прочитать соответствующие документы и рассказать о судьбе Генерального секретаря.

«21 июля 1937 года — беседа у И. В. Сталина. Приглашены секретари ЦК ВЛКСМ А. Косарев, П. Оршенин, В. Пикина. Сталин: «Сейчас Николай Иванович Ежов (тогда нарком внутренних дел. — А. Л.) ознакомит вас с тем, какую вражескую работу проводят ваши комсомольцы». Ежов берет со стола бумаги и читает «показания» секретаря Саратовского обкома комсомола Михаила Назарова о том, что он якобы завербован в контрреволюционную организацию...

Пикина не выдерживает: «Этого не может быть. Я знаю Мишу Назарова с детства. Мы были соседями по Васильевскому острову. Росли вместе. Месяц назад я ездила в командировку в Саратов. Назаров — энергичный, нормально работает, растит троих детей». Ежов тусклым, еле слышным голосом роняет: «Таковы данные, которыми мы располагаем». Косарев взрывается: «Эти данные неверны. Назаров зарекомендовал себя с хорошей стороны». Сталин: «Мы предъявляем вам факты, а вы нам эмоции».

Упреки посыпались градом: ЦК ВЛКСМ не помогает органам внутренних дел разоблачать врагов народа в комсомоле. А их немало не только среди рядовых комсомольцев, но и в руководстве ВЛКСМ на разных уровнях. От этого намека тянуло холодком. «Косарев, я вижу, вы не желаете возглавить эту работу», — отстраненно бросил на прощание Сталин».*

* Цит. По: Д. Полякова, В. Хорунжий. Александр Косарев: «Совость моя чиста». — Сб. «Реабилитирован посмертно». Вып. 1, 2. М., «Юридическая литература». 1989. С. 246

В ноябре 1938 года был созван внеочередной пленум ЦК ВЛКСМ — последний пленум в жизни Александра Косарева. Поводом для созыва этого пленума было письмо его подчиненной — инструктора ЦК ВЛКСМ Ольги Мишаковой Сталину. В нем Мишакова жаловалась на Косарева, который не давал хода ее «разоблачительным» докладным на руководителей Чувашии, где Мишакова побывала на отчетно-выборной комсомольской конференции.

«Камнепады бичующих слов непрерывно скачивались с трибуны в зал целых четыре дня (с 19 по 22 ноября 1938 г.). Умелые дирижеры сознательно нагнетали атмосферу. Шесть секретарей Центрального Комитета партии (И. В. Сталин, Л. М. Каганович, А. А. Андреев, А. А. Жданов, Г. М. Маленков, В. М. Молотов) — против Косарева и тех, кто остался ему верен». * А. В. Косарев был снят с работы, исключен из состава ЦК ВЛКСМ, а через некоторое время арестован.

«...Косарева бросили в камеру смертников. В один из дней он попросил бумагу, чернила и написал заявление на имя Сталина. Утверждал, что он и арестованные по его «делу» комсомольские работники ни в чем не виновны. Подчеркивал: уничтожать кадры, воспитанные Советской властью, — безумие. Требовал, чтобы создали честную, авторитетную комиссию, которая без предвзятости проверит все материалы и сделает объективные выводы.

Следователь Шварцман отнес заявление Александра своему шефу. Берия выругался и разорвал документ на клочки. Этот факт стал известен в 1956 году в ходе суда над Шварцманом...».

Вал арестов захватил многих невинных людей. Из 93 участников этого рокового пленума арестовали 77 и расстреляли 48 человек.

Одним из «счастливчиков» — т. е. тех, кого не расстреляли и не стерли в лагерную пыль, хотя последнее сделать и пытались, был Владимир Шунько.

Его друзья рассказывали мне с его слов, что Владимир Никифорович считал — ему повезло со следователем. Тот во время допросов давал ему разумные советы и вообще наедине разговаривал с ним по-человечески. Но когда на допросе присутствовал кто-то еще или из коридора слышалось приближение чьих-то шагов, следователь начинал орать и стучать кулаком по столу. А затем, когда они опять остались вдвоем, извинялся и продолжал разговор в обычном спокойном тоне.

Следователь посоветовал своему «подопечному» сделать все возможное, чтоб попасть не в северо-уральские и не в колымские лагеря, а в Сибирь.

Мы не знаем, имелись ли у Шунько возможности как-то повлиять на решение своей дальнейшей участи, но получилось именно так, как и советовал следователь. В личном деле преподавателя совпартшколы В. Н. Шунько это обозначено одной строкой — в перечне занимаемых должностей: «ХІ. 1938—V. 1943 — бригадир трелевочной бригады, Краслаг, ст. Решеты Красноярского края».

Друзья В. Н. Шунько пересказали мне один случай из его лагерного бытия. Организаторских способностей и умения руководить людьми Владимиру Никифоровичу было не занимать, и он вывел свою трелевочную бригаду в лучшие. Лагерная администрация решила поощрить отличившихся. Однажды вернувшуюся из тайги бригаду провели в столовую, где ее ждал прямо-таки царский ужин — закуска, наваристое первое, второе — тоже мясное — блюдо, много хлеба и ко всему этому — даже по полстакана водки. Промерзшие эки с горящими от нетерпения глазами уже усаживались за стол, как вдруг случайно появилась лагерная врачиха из вольнонаемных. Она подняла крик, увидев, что годами недоедавших людей хотят до отвала накормить жирной и тяжелой пищей.

— Опомнитесь! — кричала она. — Не смейте есть все сразу! Вы умрете от заворота кишок!..

С огромным трудом, хватая за руки и ругаясь, она уговорила-таки обезумевших от вида и запаха ждущих их яств людей ограничиться полутарелкой первого и куском хлеба, а остальное взять с собой в барак и оставить на потом, растянуть...

Что это было — провокация? Но разве администрацию лагеря погладили бы потом по головке за коллективный смертный случай в лучшей бригаде? Или происшествие это — следствие обычного российского головотяпства? Но ведь о готовящемся «премиальном» ужине, наверняка, знало немало людей из лагерной администрации, трудно поверить, что среди них не было мало-мальски опытных?..

Но главная загадка лагерной жизни Владимира Шунько — это ее необычайно короткий срок — менее пяти лет. В «Автобиографии» из личного дела сказано: «По моим настояниям и по поручению ЦК КПСС значительно позднее Верховной прокуратурой и Верховным судом СССР мое «дело» было пересмотрено, отменено и прекращено за отсутствием состава преступления».

Но ведь это было «значительно позднее». А тогда-то, в сороковых годах, события развивались следующим образом. «Освобожден 29. V. 1943 года, — читаем в другой, недатированной «Автобиографии» (личный фонд В. Н. Шунько). — 1. VI. 1943 г. призван в Красную армию и служил в авиации. Демобилизовался в VI. 1945 г.».

* Д. Полякова, В. Хорунжий. Указ. соч. С. 249

Не имея документов, сегодня можно только предполагать, почему В. Н. пробыл в лагере так недолго. Наверняка, он подавал навстречу жалобы и апелляции. Но судьба большинства таких бумаг была тогда, как правило, одинакова — они не доходили до высоких инстанций. Но, может быть, и на этот счет имелся в запасе соответствующий совет следователя? Ведь случаи бывали самые невероятные. Например, муж моей тетки — старшей сестры отца — попал в конце 30-х годов на печально знаменитые Соловки. Там он, имея дальний прицел, специально устроился работать ассенизатором и вывозил бочку с содержимым лагерного туалета на свалку, находящуюся за зоной. Дорога на свалку проходила через островной поселок, мимо почты. Сопровождающего ассенизатору не полагалось, но каждый раз при выезде из зоны его тщательно обыскивали.

Однажды мой дядя, нагружая бочку, нарочно опрокинул один из последних черпаков на себя — как бы по неловкости. И цель была достигнута — на КПП его отпустили, но обыскивать побрезговали. Возле почтового ящика из-под подкладки телогрейки был выпорот соответствующий конверт. Он дошел до моей тетки, а та сумела дать жалобе мужа ход: перед самой войной того освободили, а вскоре, как и Шунько, призвали в действующую армию...

Но вернемся к недатированной «Автобиографии» Владимира Никифоровича. О послевоенных служебных перемещениях в ней сказано так: «По решению бюро Омского обкома КПСС в июле 1945 г. утвержден первым заместителем начальника областного управления трудовых резервов, а в феврале 1947 г. — зам. начальника областного управления сельского хозяйства по кадрам...».

Те, с кем я разговаривал о послевоенной жизни В. Н. Шунько, настойчиво подчеркивали: он не обиделся на судьбу, не сломился, не поддавался унынию. Судите сами: в сорок с лишним лет становится студентом-заочником Омского сельхозинститута. Заканчивает его в 1955 году, получает специальность агронома. В 1957 году принят преподавателем совпартшколы: здесь проработал до пенсии. Пенсия была персональной — республиканского значения.

Став пенсионером, он опять связал свою жизнь с комсомолом: был избран председателем Совета ветеранов партии, комсомола, войны и труда при обкоме ВЛКСМ. Много выступал перед молодежью и много сделал для того, чтобы люди его поколения тоже чаще бывали у школьников, молодых рабочих, студентов.

Может быть, это нечто второстепенное, но мне понравился внешний вид его рукописей — в частности, конспектов разных выступлений. Они написаны начисто. Владимир Никифорович часто сразу писал

начисто, без единой помарки, заранее обдумывая все. Это деталь, говорящая о цельности характера, о целеустремленности натуры.

Говорят, после него остался лишь шкаф с книжками — главным образом, с теми, что подарили во время встреч. Да еще что-то по мелочи. Он был бесребреником. И это тоже вынесено оттуда — из комсомольской молодости. Пусть данный факт относится к быту, к повседневности, но и он сегодня интересен.

А вот другое. При всей своей резкости и порой нетерпимости он страшно любил, когда ему возражали. Любил спорить, доказывать. Скучнел, когда собеседник лишь кивал в знак согласия головой.

* * *

Помню, двадцать лет назад, когда очерк был готов, перед тем, как идти к редактору «Молодого сибиряка», я попросил прочитать его помогавших мне друзей В. Н. Они назначили мне встречу на том же 12-м этаже и пришли все трое — Галина Михайловна, Иннокентий Сергеевич и Лазарь Степанович. Я отдал им текст, а сам вышел из комнаты Совета ветеранов в коридор. Не буду скрывать — волновался. Ходил по коридору, присаживался в холле, снова ходил. Наконец, не выдержал и без приглашения зашел обратно в комнату. И то, что я, человек к тому времени уже достаточно тертый — и в журналистике, и вообще в жизни — увидел, вряд ли когда забудется: старики плакали.

Поймите меня правильно, уважаемый читатель: рассказываю об этом совсем не для того, чтоб похвастаться — как бы это выразиться? — своим журналистским умением и силой, что ли, его воздействия. Боже меня от этого упаси!

Эти седые, усталые, много видевшие и пережившие люди, прочитав мое скромное сочинение, еще раз оплакивали своего навсегда ушедшего товарища, свои промелькнувшие когда-то молодые годы, которые, несмотря ни на что, все же остались неповторимы и прекрасны.

1983, 2003 гг.

Александр Лейфер

ШПИОН, ДВУРУШНИК — «ВРАГ НАРОДА»

В начале апреля 1937 года прошел пленум президиума райисполкома, на котором заслушали отчет председателя М. П. Шмуклеревича и утвердили бюджет на год. Члены президиума с яростной критикой обрушились на председа-